

С.В. Алферов

«Толпы», «народы», «язычники»: концептуальный аппарат новозаветных текстов и проблема построения византийской парадигмы самоидентификации

Большинство византийских авторов в своем творчестве так или иначе опираются на библейские тексты. Библия задает каноны словоупотребления, является отправной точкой построения византийских семиотических систем. Именно поэтому вопрос о конструировании византийской парадигмы самоидентификации (скажем больше: о самой возможности существования этой парадигмы) может и должен решаться с применением библейского материала.

Проведенный под этим углом зрения анализ употребления в текстах синоптических евангелий греческих понятий «ochlos» («толпа»), «laos» («народ», «паства»), «ethnos» («народ», часто «иноплеменный, языческий народ», ср. древнерусское «языкъ») и их производных подводит к следующим выводам:

1. Новозаветные авторы далеки от цели четко терминологически разграничить понятия, которые можно перевести многозначным русским словом «народ». В рамках пар понятий «laos» и «ochlos», «laos» и «ethnos» имеет место достаточно легкая взаимозаменяемость, далеко не всегда четко обусловленная контекстуально.

2. Пейоративные высказывания в адрес «инолеменных народов» («ethnē», гоев) не придают самому понятию «ethnos» уничижительного смысла, и даже не закрепляют его исключительно за народами, не принадлежащими к иудеям: к последним термин «ethnos» также вполне приложим.

3. Синоптические евангелия, в значительной степени опираясь на иудейские представления о Боге и избранном Им народе, вместе с тем, смещают фокус с верности Господу его народа на личную веру и преданность Богу каждого человека. Человека, в каком-то смысле изымаемого из обусловленности «этническим» контекстом, из серьезной зависимости от него. Евангельские проповеди Иисуса, в основном разворачивающиеся в ситуации «Учитель-толпа», не задают в сколько-нибудь явном виде как четких моделей самоидентификации, так и ясных концептуальных ориентиров, которые можно было бы использовать при конструировании разного рода идентичностей. Напрашивается вывод, что стремление к обретению идентичности не входило в круг первоочередных задач адресата новозаветных текстов.